

1994 г.

Н.П. ВАСИЛЕНКО

АКАДЕМИК БОГДАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КИСТЯКОВСКИЙ*

Будучи в Берлине Б.А. подготовил второе издание диссертации своего отца А.Ф. Кистяковского «О смертной казни»^{26*}; ее издал Л.Ф. Пантелеев в С.-Петербурге в 1898 г.¹ Это было не просто переиздание книги. Б.А. проделал большую редакторскую работу. Не меняя характера книги, Б.А. привел ее в соответствие с «общественными запросами широкого читателя», все ссылки на литературу и источники он перенес в конец книги, перевел на русский язык названия иностранных литературных произведений, на которые ссылался автор. Все это Б.А. исполнил с большой любовью и тщательностью, поскольку видел в этом свой сыновний долг перед памятью отца. Однако имени своего как редактора Б.А. не назвал: книга вышла в свет «под редакцией Т.С.» (что означает *Твой Сын*). Дополнения, которые сделал к ней Б.А., очень ценны. Они, с одной стороны, свидетельствуют о научной добросовестности, а с другой, — о большой работе, которую проделал Б. А., взявшись за редактирование сочинения своего отца.

Дополнения эти были необходимы. Книга впервые вышла в свет в 1867 г. С тех пор прошло тридцать лет. В состоянии вопроса о смертной казни многое изменилось, появилась новая научная литература. В шестой раздел, в котором рассматривались законодательные изменения в применении смертной казни с конца XVIII в., Б.А. внес дополнения о тех изменениях, которые произошли в законодательстве разных стран, начиная с 1867 г., когда появилась диссертация А.Ф. Кистяковского. Все эти дополнения, чисто фактического характера, имеют под собою подпись Т.С.

Работа не ограничивалась только этим. В довольно обширной по размерам и богатой по содержанию статье «Вместо предисловия ко второму изданию» редактор сделал обзор главнейших течений и научных трудов, в которых затрагивается вопрос о смертной казни, начиная с 1867 г. Статья эта носит не оригинальный, а компилятивный характер. Она интересна как первое опубликованное сочинение Б.А.

Ко времени первого пребывания Б.А. в Германии относится и начало его сотрудничества в толстых российских журналах. Первые его статьи появились в 1897 г. в марксистском «Новом слове», издававшемся в Петербурге под редакцией П.Б. Струве. Здесь была опубликована статья Б.А. «Юбилейная выставка в Базеле (письмо с дороги)», интересная для характеристики его тогдашних общественных взглядов. Дело в том, что Б.А. был в то время увлечен новыми течениями в искусстве. Во время своих каникулярных поездок он побывал в знаменитых галереях Германии и Италии, заинтересовался прерафаэлитами, особенно Боттичелли, и начал их изучать. Увлекался он тогда музыкою Вагнера и концертами Колона в Париже. В Париже увлекся он картинами новых в то время течений в искусстве. Находясь под таким влиянием, Б.А. попал в Базель, где по поводу 70-летия со дня рождения Беклина была устроена выставка его картин^{27*}. Внимательно осмотрев выставку, Кистяковский оценил ее с точки зрения тех идей, которые в то время владели им. Высказанные им мысли были настолько пристрастны, что редакция вынуждена была сделать примечание, в котором ответственность за них возлагала всецело на самого автора. Кистяковский подчеркивает, что Беклин был по

*Продолжение. Начало см. в № 2, 1994.

¹ Ожидая в Берлине Л.Ф. Пантелеева, Б.А. писал матеря 25 июня 1896 г.: «С Пантелеевым я все-таки думаю переговорить о дальнейшем издании. Поверь мне, что я сам больше всего озабочен мыслью об экзаменах и докторской диссертации, но не менее сильно у меня желание пробиться в литературу. Написать восемь листов на тему статьи отца представляется мне чрезвычайно привлекательным. Притом, если дело выгорит, то книжка выйдет под именем отца; я поставлю под своей работой только инициалы. Таким образом, успех этого предприятия в интересах семьи. Правда, до сих пор мои литературные попытки приносили мне только неудачи и расходы, но потому мне и надо возможно больше работать в этом направлении».

преимущество пейзажистом, и в этом усматривает великое значение творчества художника. Буржуазия, утверждает он, создала жанр как реакцию на церковное искусство. Благодаря жанру, она убила пластичное искусство. В живописи она проявила свой подлинный характер. Но буржуазия создала также и капиталистическую промышленность. А та, в свою очередь, привела к возникновению новых потребностей: люди, живущие в городах, в фабричной копоти и городской пыли, жаждут видеть настоящую, неподкрашенную природу. Вот почему будущее принадлежит пейзажному искусству, ибо задача художника — с помощью красок и гармонии цветов пробудить соответствующее настроение. Первый шаг к этому новому искусству, по мысли Б.А. Кистяковского, и сделал своими произведениями Беклин. Он начинает новое искусство, которое соответствует новому рабочему классу.

Другая статья, которую Б.А. послал в «Новое слово» (1897. № 10—11), называется «Аграрии в Германии». Автор ознакомился с довольно обширной литературой и стремился отметить характерные черты аграрного движения в Германии того времени, его дифференциацию и значительную роль, которую в конце XIX в. приобрело русинское крестьянство^{28*}.

Обе эти статьи теперь уже утратили свой интерес: много времени прошло и многое изменилось в жизни. Они имеют значение для характеристики эволюции взглядов Б.А. Кистяковского в самом начале его научно-литературной деятельности и позднее.

VI

В 1898 г. Б.А. окончил Страсбургский университет и в следующем году вернулся в Россию после четырехлетнего отсутствия. В Петербург Б.А. приехал, будучи доктором философии и автором книги, которая обратила на себя внимание ученого мира. Б.А. намеревался сдать экзамен на магистра государственного права, но не смог этого сделать по формальной причине: у него не было свидетельства о сдаче экзаменов государственной комиссии. Переговоры с петербургским университетом, который хотел пойти навстречу Б.А. Кистяковскому, тянулись долго, но ни к чему определенному не привели. Экзамены Б.А. сдал только в 1909 г. в Москве.

Летом 1899 г. Б.А. женился на Марии Вильямовне Беренштам^{29*}, дочери известного педагога и общественного деятеля, члена «Старой громады», и осенью того же года поселился в Петербурге. Здесь 16 декабря в Философском обществе он прочитал реферат на тему «Категория необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений». Реферат вызвал большие дебаты и был опубликован в 1900 г. в журнале «Жизнь» с примечаниями редакции, которая не соглашалась с некоторыми мнениями и выводами Б.А. Кистяковского. Уже тогда у него наметилось начало перехода от марксизма к идеализму.

В сентябре 1900 г. жена Богдана Александровича М.В. Кистяковская была арестована и выслана из Петербурга. Ей было запрещено проживание в столицах и в Киеве. Поэтому Кистяковские поселились под Киевом в Боярце и провели там зиму 1900—1901 гг.

В марте 1901 г. Б.А. отправился в Германию для продолжения своих научных занятий, а осенью вызвал туда и свою семью. Зиму и весну 1901—1902 гг. Кистяковские провели в Гейдельберге, где Б.А. занимался на семинарах Еллинека^{30*}. До этого времени они с ним не были знакомы лично, только переписывались по поводу книги Б.А. В Гейдельберге они познакомились ближе, частенько гуляли вместе и вели беседы на разные темы, между прочим и на темы, касающиеся России, где в то время как раз начиналось освободительное движение. Некоторые детали своих отношений с Еллинеком Б.А. обрисовал в своей статье в «Русской мысли», напечатанной по поводу смерти знаменитого ученого: «Георг Еллинек как мыслитель и человек» (1911. III. С. 77—86). В Гейдельберге собралось тогда немало молодых учеников Еллинека. Они образовали тесный кружок и каждую неделю собирались в кафе для научных бесед. В этих беседах Б.А. принимал горячее участие.

Весною 1902 г. П.Б. Струве начал издавать журнал «Освобождение». Это название он придумал вместе с Б.А. Кистяковским, который с самого начала был очень близок к журналу. «Освобождение» сначала издавалось в Штутгарте, а когда немецкая полиция неожиданно устроила обыск в редакции и забрала адреса подписчиков, издание было перенесено в Париж. Из Гейдельберга Б.А. частенько ездил в Штутгарт и вообще принимал в делах «Освобождения» горячее участие, распространял его и т.п. Там же он поместил и свою статью об украинском вопросе за подписью *Украинец*. Поводом для нее послужили нападки венского журнала «Ruthenische Revue» (позднее «Ukrainische Rundschau») на руководителей российского освободительного движения за то, что они, якобы, игнорируют украинский вопрос. Нападки подхватила немецкая либеральная газета «Frankfurter Zeitung». Придавая большое значение украинскому вопросу, Б.А. вслед за современными теоретиками освободительного движения

смотрел на него как на «частность» и считал, что украинскому вопросу «как вопросу частному» уделяли достаточно внимания. По его мнению, сами украинцы должны энергичнее заявить о своих нуждах, а главным образом — солидарно. В своей статье Б.А. подчеркивал, что исторические обстоятельства навсегда связали украинский народ с русским, и отстаивал потребности и независимость украинской культуры.

Когда в 1905 г. П.Б. Струве получил возможность вернуться в Россию, издание «Освобождения» прекратилось, и на Б.А. Кистяковского возложена была забота по его ликвидации. «Теперь дела пойдут лучше,— писал он мне в конце октября 1905 г. — Твердыня сломлена. Здесь (за границей) тоже многое изменилось. П.Б. уехал в Россию и теперь, вероятно, уже в Петербурге. «Освобождение» выходить не будет. Остальные издания будут доведены только до конца. Кстати, если Вам что-нибудь нужно, то обращайтесь ко мне, я исполню Ваше поручение». Среди тех предприятий, которые должны были быть доведены до конца, было издание «Политических сочинений» М.П. Драгоманова. Это издание было предпринято исключительно по инициативе Б.А. Кистяковского. Он собрал для него и денежные средства. Первый том, куда вошли «Историческая Польша и великорусская демократия» и «Вольный союз» («Вільна Спілка»), — был издан под редакцией Струве. Редакция же второго, гораздо более сложного тома, легла на плечи Б.А. Для этого он переехал в Париж. Б.А. подобрал статьи, установил их хронологию, сделал пояснительные примечания и написал большой очерк о жизни Драгоманова, где дал оценку его роли и деятельности. В Париже Б.А. оставался до тех пор, пока издание второго тома не было закончено. К сожалению, Б.А. не воспользовался моментом и не перевез всего издания в Россию, — а можно было. Большая часть тиража осталась в Париже и судьба его неизвестна.

VII

Осенью 1902 г. Б.А. вернулся в Россию. Сначала он поехал на Полтавщину, а затем в Вологду, где находилась в ссылке его жена^{31*}. П.Л. Тучапский (Из пережитого. С. 49), ошибается, говоря, что туда был сослан Б.А.

В Вологде Кистяковский закончил свою статью «Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем» и опубликовал ее в сборнике «Проблемы идеализма», который вышел в 1902 г. в Москве. Это уже был решительный перелом в мировоззрении Б.А., который намечался и раньше. Со старыми богами тут уже было покончено и Б.А. перешел от «марксизма к идеализму». В дальнейшем его философские взгляды развивались уже в этом последнем направлении.

Вообще в Вологде Б.А. работал много. Здесь он отредактировал перевод на русский язык книги Антона Менгера «Новое учение о государстве», читал ссыльным систематический курс лекций по государственному праву, вел с ними практические занятия, на собраниях ссыльных читал рефераты и т.д. Здесь у него была постоянная аудитория, состоявшая человек из 10—12.

Весной 1903 г. Б.А. отправился в Германию, работал в Национальной библиотеке в Берлине, а зиму опять провел в Вологде. С этого времени до начала мировой войны Б.А. каждый год бывал за границей, главным образом в Берлине, и проводил там по несколько месяцев за научной работой. Обычно он выезжал туда в марте — апреле и оставался до июля — августа, ездил он туда также недель на 5—6 и на рождественские каникулы.

В 1904 г. благодаря амнистии, М.В. Кистяковская, жена Б.А., получила право выехать из Вологды. Кистяковские поселились в Киеве и провели там зиму 1904—1905 гг. То было время, когда в обществе уже явно намечался революционный настрой. В Киеве образовалась группа «Освобождение», насчитывающая немало членов, руководил которой небольшой кружок, куда входили Б.А. Кистяковский, В.В. Водовозов, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Ю.Н. Вагнер, В.Я. Железное и я. Тогда же в Киеве был устроен первый политический банкет в литературно-художественном обществе 20 ноября 1904 г., на котором впервые было публично провозглашено требование конституции. Весной 1905 г. произошел несчастный случай, нанесший Б.А. большой ущерб. На даче, где он жил, в его отсутствие вспыхнул пожар и сгорели все его рукописи. С горестной думой отправился он той же весной в Гейдельберг, чтобы восстановить кое-что из того, что сгорело. Осенью к нему приехала семья, зиму и весну 1905—1906 гг. Кистяковские прожили в Гейдельберге. Таким образом революционные события того времени застали Б.А. за границей, и он переживал их на основе дошедших слухов и газетной информации. «Завидно, — писал он мне из Гейдельберга 27 октября (9 ноября) 1905 года, — когда, сидя здесь, думаешь, сколько хорошего приходилось переживать всем в последние недели в России. Мы все это время должны были удовлетворяться

телеграфными сообщениями из немецких газет. Русских газет мы не имели целых десять дней только вчера впервые получены петербургские газеты. "Киевских откликов"² до сих пор нет. Неужели редакция "Откликов" настолько разгромлена, что это задерживает и еще задержит их выход? Со стороны получается такое впечатление, как будто Киев страшно реакционный город: один "Киевлянин" все время торжествовал и теперь торжествует. Какие, однако, ужасы у нас творились во время погрома. Моя зависть, что не пришлось видеть всего хорошего, вполне компенсируется радостью, что я не видел также и ужасов. Но тут тоже было не особенно приятно читать сообщения о погромах. «Frankfurter Zeitung» как-то принесла известие что Ратнер³ "буквально разорван на кусочки". Хотя я и не верил этому сообщению, так как оно было изложено чересчур уж неправдоподобно, все-таки пришлось пережить неприятные минуты. Когда увидите с Марком Борисовичем, передайте ему мою радость по поводу того, что он состоит не из кусочков, как приходилось его представлять, а цел и невредим».

Когда до Гейдельберга дошла весть о манифесте 17 октября 1905 г., российская колония пришла в волнение, начались собрания, рефераты, обсуждения. Было два направления: одна часть придавала большое значение манифесту, другие, наоборот, никакого добра от него не ожидали. Б.А. Кистяковский принадлежал к тем, кто смотрел на манифест как на положительное явление и понимал его как конституцию.

Освободительное движение в среде российской молодежи оказало влияние и на некоторых немецких профессоров. В частности, заинтересовался им экономист Макс Вебер, который, помощью Кистяковского, начал учить русский язык, изучать и собирать материалы по освободительному движению и написал, совместно с СИ. Живаго, интересную статью «Zur Beurtheilung der gegenwertigen Entwicklung Russlands», которую опубликовал в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (Bd. XX. Heft 1). Как говорит сам Вебер, Б.А. Кистяковский сильно помог ему тем, что снабжал материалами, освещал события, которые были некоторых аспектах совершенно непонятны иностранцу. Б.А. не только сам помогал Веберу, но привлек и свою жену к этой работе и мечтал о переводе статьи Вебера на русский язык. Этот перевод осуществлен был в Киеве, по-видимому, по совету Б.А. Кистяковского. Статья Вебера вышла в свет на русском языке под названием «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии»^{32*}.

VIII

Вестой 1906 г., перед Первою Думой, Б.А. вернулся в Россию. Его научные и публицистические интересы в то время были связаны с новым конституционным строем России. Он опубликовал целый ряд статей по государственному праву в еженедельниках, редактируемых П.Б. Струве, в «Полярной звезде» и «Свободе и культуре», в журнале «Право», «Московском Еженедельнике» кн. Е.Н. Трубецкого. Это были статьи: «Конституции дарованные и завоеванные», «Кабинет министров и ответственность правительства», «Государственная Дума», «Как осуществить единое народное представительство?», «Областная автономия и ее предель» и др.

Осенью 1906 г. Б.А. пригласили читать лекции по государственному и административному праву на Коммерческих курсах в Москве. Он приехал в Москву и надолго поселился там. Его вступительная лекция была на тему «Государство правовое и социалистическое» (Вопросы философии и психологии. 1906. Ноябрь — декабрь). Это было началом педагогической деятельности Б.А.

Сильная нервность и недоверие к своим силам на первых порах очень вредили Б.А. как лектору, он запинаясь, часто повторял одно и то же. Однако в дальнейшем его манера чтения стала лучше, и он довольно смело выступал как лектор. Читал он и публичные лекции. Вообще лекции его отличались серьезностью содержания, богатством материала и были интересны для тех, кто интересовался наукой^{33*}.

Помимо лекций, Б.А. вел практические занятия, семинары студентов и студенток. Темы, которые он разрабатывал на этих занятиях, охватывали основные разделы государственного права и составили целую брошюру, изданную курсами^{34*}. Ученики и ученицы, которые работали на его семинарах, вспоминали о них с большим уважением: Б.А. отдавал этим семинарам много энергии, его эрудиция давала очень много нового и оригинального.

² Газета, которую издавал в то время в Киеве кружок общественных деятелей под фактической редакцией М.Б. Ратнера и моего.

³ М.Б. Ратнер — видный киевский адвокат, популярный писатель, сотрудник «Русского богатства» и еврейский деятель СЕРПИ. Умер в Яссах в первые годы мировой войны.

В том же 1906 г. Коммерческие курсы были преобразованы в Коммерческий институт с широким планом обучения для лиц обоого пола. Во главе института стал один из друзей Б.А., видный московский профессор П.И. Новгородцев. Б.А. также принял большое участие в работе по организации новой высшей школы.

Коммерческим институтом педагогическая деятельность Б.А. не ограничивалась. В то же время он начал читать лекции на Высших Женских Курсах, позднее на юридических курсах Полторацкой, читал он также на летних курсах для учителей.

В 1907 г. в связи со второй Государственной Думой П.Б. Струве начал издавать в Петербурге газету «Дума». Б.А. к тому времени очень увлекся ролью публициста. Он много писал для «Думы» и летом 1907 г. не поехал, как обычно, ни в деревню, ни за границу, а переехал в Петербург и оставался там до запрещения газеты. После чего снова вернулся в Москву.

В Москве за эти годы Б.А. широко развил свою литературную и научную деятельность. Под его редакцией вышел ряд переводов по государственному праву. Его предисловия и вступительные заметки к этим изданиям разрастались до размеров больших оригинальных статей. Таким было предисловие к книге Бугле «Идея равенства с социалистической точки зрения» или предисловие к книге Радбруха «Методологическая природа науки о праве»^{36*}. Такими были вступительные статьи к книгам Зиммеля «Социальная дифференциация» и Еллинека «Конституции, их изменения и преобразования».

Деятельное участие принимал Б.А. и в московских научных обществах: философском, юридическом (после его возобновления), в обществе славянской культуры. Он и сам делал доклады, и принимал участие в обсуждении чужих. В «Обществе славянской культуры» был, кроме того, украинский филиал под председательством покойного академика Ф.Е. Корша^{36*}, и Богдан Александрович не раз читал там рефераты на украинском языке.

Сразу же после переезда в Москву Б.А. заинтересовался работой «Комиссии по организации домашнего чтения» и стал ее активным участником. Он составил программу по общей теории государства и общему государственному праву и подготовил для нее методологические рекомендации. Это была целая брошюра на 45 страниц («Программа для самообразования. I. Общая теория государства. II. Общее государственное право. Составил Б.А. Кистяковский»), Программа, составленная Кистяковским выдержала несколько изданий.

Деятельная участница «Комиссии по организации домашнего чтения» Е.Н. Орлова в связи с задачами комиссии задумала на свои средства издавать журнал «Критическое обозрение», посвященный библиографии. На должность редактора она выбрала Б.А., и он согласился. Со временем он стал его главным редактором и нужно сказать, что поднял журнал на высокий уровень. Он сумел собрать вокруг журнала немало выдающихся научных сил, главным образом, молодых⁴, учил их как следует писать рецензии, и сам их писал; в целом работал много. Общим принципом рецензий было — на первом плане подчеркивать то, что работа давала позитивного, высмеивать неудачи, и негативное не допускать. Все это придало «Критическому обозрению» характер серьезного научного органа. Журнал выходил с 1907 по 1910 гг., когда Б.А. на полтора года поехал за границу в Мюнхен. Е.Н. Орлова в связи с этим прекратила издание, так как оно себя не окупало.

Совместная работа в «Критическом обозрении» сблизила Б.А. с известным писателем М.О. Гершензоном; между ними завязалась многолетняя дружба^{37*}. В 1909 г. М.О. Гершензон задумал издать сборник «Вехи»^{38*}, который в свое время произвел сильное впечатление, выдержал несколько изданий — навлек на себя гнев и вызвал разношерстную полемику. Б.А. позднее составил библиографию «Вех», алфавитный указатель статей и заметок о «Вехах» с 23 марта по 6 сентября 1909 г.³⁹. Указатель занимает пять страниц мелкого шрифта. «Вехи» были судом над российской интеллигенцией. Не со всеми авторами статей «Вех» Б.А. был согласен, тем не менее он написал для сборника статью «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)». Общий вывод его таков:

⁴ Начав редактировать «Критическое обозрение», Б.А. написал мне об этом. Я отнесся пессимистично к успеху журнала. По поводу моего пессимизма Б.А. писал мне 23 апреля 1907 г. следующее: «Ваш пессимистический взгляд на литературную сторону нашего дела не соответствует действительности. Содействие очень серьезных сил нам обеспечено и к помощи студентов нам ни в коем случае не придется прибегать. Мы страдаем от недостатка места, а не от недостатка литературного материала. Первый выпуск на два листа превысил предельный размер, и чтобы ввести второй выпуск в нормальные границы, нам приходится сокращаться. Мы скорее погибнем от невозможности широко поставить дело и от того, что книжный рынок не вместит такое количество критики и библиографии, чем от чего другого. Но само по себе наше дело очень интересно, и я думаю, что оно будет полезно для культурного развития русского общества».

«Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности: из всех культурных ценностей право находилось у нас в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития» (с. 126).

«Все сказанное о низком уровне правосознания нашей интеллигенции сказано не в суд и не в осуждение. Поражение русской революции и события последних лет — уже достаточно жесткий приговор над нашей интеллигенцией. Теперь интеллигенция должна уйти в свой внутренний мир, вникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его. В процессе этой внутренней работы должно, наконец, пробудиться и истинное правосознание русской интеллигенции» (с. 155).

IX

Еще в 1906 г. Московский университет допустил Б.А. к экзамену на степень магистра государственного права. Б.А. сдал его в 1909 г.

Тогда же он прочитал и две пробные лекции *pro venia legendi* — одну, как принято, по назначению факультета: «Ф. Герbart и идея государства как принцип государственного устройства», другую — по собственному выбору: «Обычай как источник государственного права».

После этого Б.А. был утвержден приват-доцентом Московского университета по кафедре государственного права. Однако в университете читал он лекции недолго. В 1910 г. он уехал на полтора года в Мюнхен, а когда осенью 1911 г. вернулся в Москву, то застал в университете печальные события. Министр народного просвещения Кассо уволил ректора Московского университета А.А. Мануйлова и проректора М.А. Мензбира. Это повлекло за собой уход из университета целого ряда профессоров и приват-доцентов. Отказался от приват-доцентуры в университете и Б.А.^{40*} Одновременно с этим он принял предложение Ярославского Демидовского Лицея читать лекции по философии права и государственному праву. Жил Б.А. в Москве, но каждую неделю на два дня ездил в Ярославль. Так продолжалось до осени 1917 г.

Б.А. очень полюбил Ярославль. Ему нравился город с его древностями, а также и характер профессуры и ярославского общества. Особенно близок он был тогда с Н.П. Дружининым, П.Н. Ширяевым и Р.М. Орженским, на квартире последнего он останавливался, приезжая в Ярославль. Впоследствии под влиянием Б.А. Кистяковского Р.М. Орженский переехал в Киев, где его избрали академиком Украинской Академии наук.

В 1912 г. было восстановлено «Московское Юридическое общество», закрытое еще в конце 1890-х годов министром просвещения Боголеповым. Решено было возобновить прежний научный орган общества — журнал «Юридический вестник». Издателями возобновленного «Вестника» были, помимо Московского Юридического общества, Петербургское Юридическое общество и Московское общество имени А.И. Чупрова. На должность главного редактора журнала был избран Б.А. Кистяковский⁵. Вокруг него образовался редакционный комитет из

⁵ Историю возобновления «Юридического Вестника» Б.А. Кистяковский в своем письме к матери из Москвы от 11 декабря 1912 г. описывает следующим образом: «Вопрос о "Юридическом Вестнике" возник еще в конце 1911 и в начале 1912 года, когда Московское Юридическое общество решило порвать с "Вопросами права" и его редактором Фельдштейном. Я был против разрыва и стоял за компромисс, и потому, хотя мне тогда уже предлагали сделаться редактором возобновляющегося "Юридического Вестника", я отказывался. Но победили те, кто стоял за разрыв и среди них Игорь <брат Б.А.>, который прекратил субсидию "Вопросам права" и обещал, в случае возобновления "Юридического Вестника", давать субсидию не 700—800 руб., как на "Вопросы права", а до 2000 руб. Когда, однако, весной этого года вопрос об издании "Юридического Вестника", был решен в положительном смысле помимо меня, и мне снова предложили быть редактором его, то я не считал возможным отказаться. Мною руководил при этом целый ряд соображений: 1) у "Юридического общества" в данный момент не было более подходящего кандидата, чем я; 2) я очень люблю редакторское дело; после писательства оно доставляет мне наибольшее удовольствие, наконец, 3) быть редактором "Юридического Вестника", органа М.Юр. Об., во главе которого раньше стоял Муромцев, очень почетно, а если бы я отказался, дело было бы создано помимо меня. Против принятия редакторства было то соображение, что у меня мало времени и редакторство может помешать моей работе. Но впереди было еще восемь свободных месяцев. Однако эти восемь месяцев прошли, и я по обыкновению успел сделать гораздо меньше, чем рассчитывал. С другой стороны, и "Юридическое Общество", по вине некоторых членов его, затянуло выработку окончательного плана "Юридического Вестника" до начала ноября. Тогда я снова отказался от этого редакторства, мотивировав свой отказ тем, что я на Рождество уезжаю. Но после уговоров мне опять пришлось согласиться, причем все признали возможным, чтобы я уехал на месяц».

видных юристов, ученых Петербурга и Москвы. Но основная работа приходилась на долю Б.А. Кистяковского как редактора. Он заказывал статьи, рецензии, правил рукописи. Редакционно-издательская часть была организована довольно бедно, поскольку недоставало средств. У Б.А. был один секретарь, которому он передал часть технической работы. Но и после этого ее оставалось довольно много. Б.А. вел дело с типографией, и с корректурой, и даже с экспедицией. И все это он делал охотно и бесплатно. Мало того, когда не хватало средств на издание, он обращался к своему брату и другим адвокатам и просил у них денег, чтобы выпустить в свет очередную книжку журнала.

Первый номер «Юридического Вестника» вышел в 1913 г. Вступительную статью к нему «Наши задачи» написал Б.А. Кистяковский. Автор констатирует то явление, что авторитет права как нормы в последние годы сильно упал в России. С этим нужно бороться. Цель «Юридического Вестника» — заботиться о том, чтобы за правом было признано самостоятельное и автономное значение в нашей науке. Только тогда, когда на право у нас будут смотреть не как на средство достижения тех или иных целей, а как на самостоятельную цель, — у нас будет установлен широкий и разумный правопорядок. «Если перед сознанием россиянина еще никогда не вставал с такой остротой необыкновенный упадок у нас авторитета права, то, с другой стороны, никогда еще Россия не имела такой потребности в авторитетном праве как именно теперь (1913 г.). Не только наше внутреннее материальное и духовное развитие, но и наше внешнее могущество в конце концов зависят от того, насколько действенное право будет главенствовать в нашей жизни». Не о юридическом формализме идет здесь речь. «Нам нужна не юридическая форма, не господство юридических понятий, а действенное право».

«Юридический Вестник» выходил в свет под редакцией Б.А. Кистяковского до самой революции и приобрел репутацию солидного научного журнала. Журнал был закрыт в 1917 г. Редакторская и профессорская работа захватывали не всего Б.А. Основное свое время он посвящал науке и научным исследованиям. В 1910 г. он опубликовал статью «Реальность объективного права» в журнале «Логос»; в 1911 г. — статьи «Рациональное и иррациональное в праве» и «Право как социальное явление» (журнал «Вопросы права». Кн. VIII); в 1912 г. — «Страницы прошлого» (отдельное издание) и статью «Проблема и задачи социально-научного познания» («Вопросы философии и психологии». Кн. 112); в 1913 г. — «Сущность государственной власти» («Юридические Записки Демидовского Лицея». № 3) и «Путь к господству права»; в 1914 г. — «Кризис юриспруденции и дилетантизм в философии» («Юридический Вестник», кн. V); в 1915 г. — «Политическое и юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года» («Юридический Вестник». № XI). Но основная работа в эти годы шла у Б.А. над его магистерской диссертацией, к которой он относился очень серьезно и которой придавал особое значение в своей научной деятельности. Некоторые части ее уже и раньше были опубликованы в печати, но общий ее смысл оставался неизвестным. Б.А. вообще очень ревниво относился к своим мыслям, он опасался, чтобы у него их не перехватили. Диссертация печаталась долго и вышла в свет в Москве в издании М. и С. Сабашниковых в 1916 г.^{41*} Она сразу обратила на себя внимание прессы и научной критики. Кажется, не было ни одного журнала, ни одной более или менее известной газеты, которая не обратила бы внимания читателей на книгу Кистяковского. Делались возражения, с мыслями автора полемизировали, но все единодушно признавали за книгой большое научное значение, а в авторе видели выдающегося ученого-философа. «Неокантианское движение, возникшее у нас около 20 лет тому назад, — писал в "Русских Ведомостях" профессор Н.Н. Алексеев, — едва ли не наибольшие результаты принесло в области социальных наук: автор книги (т.е. Кистяковский) одним из первых применил принципы критической философии к изучению методологии социальных наук (еще в 1899 г. в книге "Gesellschaft und Eiuzewesen"). С этого времени он беспрестанно работал над методологией познания общества, публикуя свои работы в различных журналах. Книга представляет собой попытку соединить всю эту многолетнюю работу в общем плане единого научного исследования. Вера в науку, в духовную силу теоретического знания придает книге пафос, который читатель чувствует с первых ее строк. Но этот "научный" дух не убивает в авторе живого социально-политического чувства, не заслоняет практических интересов социальной политики. Разумеется, написанные на протяжении многих лет отдельные "очерки" имеют различную научную ценность. Но нельзя отрицать того, что некоторые разделы могут быть приняты за образец научного исследования (например, раздел V: Реальность объективного права)^{42*}. И вообще, следует признать, что книга Б.А. Кистяковского займет почетное место в истории российской науки и с ней не сможет не считаться любая позднейшая работа, которая будет посвящена общим проблемам социальной философии и правоведения».

Было бы очень интересно дать обзор тех оценок, которые получил труд Б.А. Кистяковского

в разных журналах и у разных авторов, но это увело бы нас далеко в сторону от нашей цели — напомнить только общие черты жизни Б.А. Кистяковского и его научной деятельности. Важнейшими рецензиями на труд Б.А. были статьи Питирима Сорокина в «Вестнике Европы»; С. Франка в «Русской мысли», Вен. Маркова в «Северных Записках», затем академика Украинской Академии наук Ф.В. Тарановского в 2-й и 3-й книжках «Журнала Министерства Юстиции» за 1917 г. и харьковского профессора Ар. Фатеева «Русский методолог права». Выдвинув целый ряд возражений, все рецензенты признали за исследованием Кистяковского выдающееся научное значение. Рецензия профессора Фатеева была официальной, поскольку он писал ее по поручению юридического факультета Харьковского университета, куда Б.А. Кистяковский предоставил свою книгу в качестве диссертации на степень магистра. «Книга Б.А. Кистяковского, — по мнению профессора Фатеева, — тем и характерам, что не носит общей для поставленной цели формы — показать ученость и блеснуть чрезмерной оригинальностью. Она свидетельствует о самостоятельности мыслителя. За ней просматривается научная деятельность человека, который изо дня в день жил наукой, не пропуская мимо себя ни одной сложнейшей нерешенной ее проблемы, а сразу же откликнулся на нее. Только при таких условиях и могла появиться эта работа, которая состоит из разделов, где смысл каждого требует и выявляет наличие величественного научного исследования, способность ориентироваться в сфере методологического бездорожья нашей науки». С учетом высокого научного значения труда Б.А. Кистяковского профессор Фатеев предложил факультету присудить автору диссертации сразу степень доктора государственного права.

5 февраля 1917 г. в Харькове состоялся диспут Б.А. Кистяковского. Это было выдающееся событие в Харькове. Факультет присудил Кистяковскому степень доктора, чего в Харькове, говорят, не случалось в течении 25 лет. В некоторых журналах диспут был назван «торжеством науки». Отчет о диспуте напечатали многие журналы, среди них и юридический журнал «Право» (1917. №13)^{43*}.

Опубликовав диссертацию, Б.А. не прервал научной работы, а продолжил ее с той же самой энергией. В 1917 г. он опубликовал статью «Учредительное собрание», переработав для «Вопросов политики и государственного строительства» (под общей редакцией С.Б. Веселовского и Н.В. Якушкина) свою работу «Единство народного представительства», которая была издана в 1917 г. в Москве. Тогда же он начал печатать в Ярославле новую большую работу «Право и наука о праве». Значительная часть этой книги была уже набрана и сохранилась в несброшюванном виде в одном экземпляре; другая часть погибла во время восстания и пожара в Ярославле. Таким образом, книга осталась без окончания^{44*}.

В то самое время, когда Б.А. Кистяковский защитил свою диссертацию, в Киеве освободилась после С.А. Егизарова кафедра государственного права. Рекомендован был Б.А. Кистяковский. Рекомендовали его профессора юридического факультета университета св. Владимира: Е.В. Спекторский^{45*}, С.А. Егизаров и П.М. Богаевский. На факультете 12 мая 1917 г. Б.А. был избран единогласно, когда же 26 мая состоялось голосование в совете профессоров, то Б.А. Кистяковский собрал 38 голосов «за» и 10 «против». Таким образом, он был избран значительным большинством голосов. 2 августа его утвердило министерство, а 17 ноября он прочел в Киевском университете вступительную лекцию на тему «Идея учредительного собрания» и начал свою педагогическую деятельность в родном Киеве, куда возвратился после долгих лет отсутствия и скитаний^{46*}. Когда в 1918 г. в Киеве был основан Украинский государственный университет, Б.А. был избран в него профессором по кафедре государственного права (одновременно с этим он оставался профессором и в университете св. Владимира). Он был и деканом юридического факультета Украинского университета. Как профессор и декан, Б.А. неоднократно выступал в защиту университета, когда последнему угрожала опасность. Мы уже упоминали выше о его поездке в Ростов по этому делу.

В январе 1919 г. Б.А. Кистяковский был избран академиком Украинской Академии наук.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ

^{26*} Фрагмент из книги А.Ф. Кистяковского «Исследование о смертной казни» (СПб., 1898) опубликован в книге «Смертная казнь: за и против». М., 1989. С. 182—194.

^{27*} Беклин Арнольд (1827—1901) — швейцарский живописец, автор романтических пейзажей и фантастических сцен.

^{28*} Русины — западные украинцы областей, входивших в то время в состав Австро-Венгрии (Галиция, Буковина, Закарпатье).

^{29*} Беренштам М.В. (7—1943) — внучка православного философа, профессора университета св. Владимира

в Киеве Орсета Марковича Новицкого (1806—1884). Ее братья, В.В. и М.В. Беренштамы были юристами, М.В. Беренштам при Временном правительстве возглавлял 2-й Департамент полиции в Петербурге. По отзывам одного из современников, это был «до крайности самолюбивый человек, несколько избалованный вниманием из некоторых товарищей, по натуре несколько грубоватый и чрезвычайно дорожащий своим независимым положением» (Архив русской революции. Т. 12. С. 83). Оба брата умерли в начале 30-х годов. В детские годы их хорошо знал будущий философ С.А. Аскольдов (см.: Минувшее. Исторический альманах. М.—СПб., 1992. Т. 11, с. 316,318).

Сама М.В. Беренштам (Кистьяковская) в молодости увлекалась марксизмом и занималась революционной деятельностью, за что была сослана в Вологду. Впоследствии она написала несколько научно-популярных и педагогических книг: «Рассказы о борьбе человека с природой» (в 1921 г. в Москве вышло шестое издание этой книги в серии «Научно-популярная библиотека»); на титуле указана фамилия автора: М. Верен (Кистьяковская); «Первый опыт свободной трудовой школы». М.-Пг., 1923 (в соавторстве с Е.Е. Горбуновой-Посадовой).

У Б.А. и М.В. Кистьяковских было два сына: Георгий (Джордж) (1900—1982) — ученый-химик, профессор Гарвардского университета, советник президента Эйзенхауэра по вопросам национальной политики в области науки и техники, участник создания американской атомной бомбы; Михаил, по-видимому, пошел по стопам отца: в 1928 г. в 25-м томе «Записок Академии наук УРСР (историческая серия)» (Киев, 1928) была опубликована его статья: «Драгоманов во Флоренции (8 писем Драгоманова к А.Ф. Кистьяковскому на укр. языке)».

^{30*} Одна из коротких записок Г.И. Еллинека к Б.А. Кистьяковскому опубликована в журнале «Вопросы социологии». 1992. Т. 1, №1. С. 164.

^{31*} У Вологодской ссылке тех лет см.: *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 128—129.

^{32*} Это, по-видимому, очень редкая книга М. Вебера, изданная на русском языке, т.к. ссылки на нее в отечественной литературе отсутствуют. Единственный известный мне экземпляр имеется в Музее книги Российской Государственной библиотеки. - Вот ее полное библиографическое описание:

Макс Вебер (проф. Гейдельбергского ун-та). Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Пер. с немецкого. Киев, Типография И.И. Чоколова, Фундуклеевская ул. № 2, 1906, 149 с.

На 2-й странице обложки приведена выдержка из критического отзыва на книгу, опубликованного в журнале «Былое» (июль 1906 г.).

Тексту М. Вебера в книге предшествует статья С.И. Живаго «К вопросу о настоящем политическом развитии России» (с. 1—5).

^{33*} Ср. с описанием Андрея Белого: «В наружности этого скромного, серьезного человека было что-то диоквиное; великан этот, косолапый и бледный, с огромной опущенной головою, с редкими желтыми волосами, с длинной такого же цвета всклокоченной бородой, оттененной кровавого цвета губищами, напоминал собой смесь жирафы с гориллою; мог бы давить и размером и весом, но гнулся, конфузился; потерянные голубые глаза не глядели в глаза, опускаясь, моргая; во всем спотыкался: в словах, в интонациях, в жестах, боясь оторвать сапожищем своим платье дам; а когда начинал говорить, гымок и скрежет лишь слышался, точно себя обрывал каждой фразой; такого беспомощного оратора я и не видывал; не представляю себе, как читал свои лекции; и говорил он с акцентом.

А — крупная умица; его любил Гершензон; мне он был симпатичен, являя полнейший контраст с своим братцем, Игорем Кистьяковским, тупым и бесчувственным карьеристом, нечистым в делах; и Богдан Александрович относился к безразличию к братцу, жалуясь моей матери:

— "Я стараюсь у Игоря не бывать; неприлично как-то профессору, мне, из моей обстановки являться в такие роскошные комнаты; Игорь не понимает что стыдно, безвкусно и глупо такие квартиры устраивать".

Жил Богдан просто: и, кажется, замкнуто, появляясь часто у Гершензона лишь» (*Белый А.* Между • двух революций. М., 1990. С. 281).

^{34*} *Кистьяковский Б.А.* Государственное право (общее и русское). М., 1908. 384 с. (на правах рукописи).

^{35*} Название книги Г. Радбруха указано неправильно; правильное название: «Введение в науку права». М., 1915. Вступительная статья Б.А. Кистьяковского называется: «Методологическая природа науки».

^{36*} Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — филолог, академик Петербургской АН, профессор классической филологии Московского и Новороссийского университетов.

^{37*} Письма Б.А. Кистьяковского к М.О. Гершензону (1907—1916; 65 писем) хранятся в ОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед. хр. 43,44. Письма в настоящее время подготовлены мной к публикации и, надеюсь, в скором времени будут напечатаны.

^{38*} Об истории создания и публикации «Вех» в последнее время написано столько, что пора создавать новую «Библиографию "Вех"» Поэтому из наиболее ценных публикаций ближайших лет отметим лишь две: *Колеров М.А.* Архивная история сборника «Вехи» // Вести. МГУ. Сер. 8, История. 1991. № 4, С. 11—17; К истории создания «Вех» (Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 11. М. — СПб., 1992. С. 249—291.

^{39*} Н.П. Василенко ошибается: «Библиографию "Вех"» составил М.О. Гершензон. Кроме того, он

называет указатель, помещенный в 4-м издании «Вех». К 5-му изданию был приложен указатель статей я заметок о «Вехах» с 23 марта 1909 по 15 февраля 1910 гг.

^{40*} Кассо Лев Аристович (1865—1914) — министр народного просвещения России в 1910—1914 гг.

Машуйлов Александр Алолловович (1861—1929) — профессор политэкономии, в 1905—1911 гг. ректор Московского университета.

Мевзбир Михаил Александрович (1855—1935) — биолог, заведующий институтом сравнительной анатомии при Московском университете.

«Гонения» Л.А. Кассо на Московский университет касались в основном прав университетской автономии. После увольнения им Мануйлова и Менсбира в отставку в знак протеста ушли более 100 профессоров. Подробнее см.: *Вернадский В.И.* 1911 год в интеллектуальной жизни России. М., 1912.

Б.А. Кистяковский во время этих событий находился за границей, но не в Мюнхене, а в Париже, откуда 5 мая (н. ст.) 1911 г. писал М.О. Гершензону: «К университетской истории я еще не занял никакой позиции. Пока все происшедшее как бы не относится ко мне. Но сердце сжимается при мысли о том, что теперь делается в Москве, и с ужасом думаю, что осенью мне придется во все это окунуться» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 39. Ед. хр. 34. Л. 21).

^{41*} Речь идет о книге: *Кистяковский Б. Л.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых. 1916 (IV + 690 с).

Сохранился текст договора Кистяковского с М.В. Сабашниковым и сопроводительное письмо Кистяковского, которые ниже приводятся полностью:

«Книгоиздательству М. и С. Сабашниковых
в Москве
Тверской бульв. д. 6

Милостивые Государи,

Сим подтверждаю состоявшееся между нами соглашение на издание моих статей, выпущенных ранее в разных изданиях и не бывшей ранее в печати статьи на тему "Необходимость и долженствование в социальном мире", всего по прежним изданиям составляющих 562 страницы.

Книга имеет быть отпечатана за лето 1914 года в типе издания книги П.Н. Сакулина "Из истории русского идеализма". Продажная цена экземпляра устанавливается издательством.

Мне будет отчисляться пятнадцать процентов с нарицательной, объявленной на обложке, цены от каждого проданного экземпляра, причем расчет будет производиться раз в год по заключении отчета издательства. В счет означенного отчисления я получаю по отпечатании по двадцать пять рублей с печатного листа.

С совершенным почтением
Б. Кистяковский.

Москва, 17 марта 1914 г.

Одну тысячу сто (1100) рублей — 20 сентября 1916 года получил сполна Богдан Ал. Кистяковский».
(ОР РГБ. Ф. 261. К. 8. Ед. хр. 13. Л. 1—2)

Б.А. Кистяковский — М.В. Сабашникову

«Москва, 17 марта 1914 г.
Б. Левшинский пер. 13

Глубокоуважаемый
Михаил Васильевич!

Возвращаю Вам подписанную мною копию нашего условия. Еще раз выражаю Вам мое полное согласие со всеми пунктами нашего соглашения. К сожалению, в нашей сегодняшней беседе мы не коснулись вопроса об авторских экземплярах, но, вероятно, и у Вас принят обычай, что при выходе книги автор получает 25 экземпляров бесплатно. По последнему немецкому закону автор имеет право покупать в издательстве свою книгу по той же цене, по которой она уступается книгопродавцам. Думаю, что интересам Вашего издательства не будет противоречить, если это правило будет принято и в наших отношениях под условием, конечно, что я должен покупать не менее пяти экземпляров сразу и рассчитываться на наличные.

В заключение считаю своим долгом выразить Вам мое удовольствие и благодарность по поводу того, что Вы предоставляете мне возможность выпустить мою книгу в печати.

Глубоко уважающий и искренно преданный

Б. Кистяковский»

(ОР РГБ. Ф. 261. К. 4. Ед. хр. 54. Л. 2—2 об.).

^{42*} Речь идет не о «разделе V» (в книге Кистяковского четыре раздела), а о пятой статье отдела второго.

Сразу же после защиты диссертации в Харькове Кистяковский на короткое время вернулся в Москву. Вот что писал М.О. Гершензон в письме к брату от 9 февраля 1917 г.: «Богдан Александрович вчера

вернулся из Харькова, где защищал диссертацию. Он тяжело хворает печенью всю зиму, каждые 2—3 недели у него повторяется воспаление желчного пузыря; диспут откладывается с декабря. Ему там дали сразу доктора и очень чествовали, так что он вернулся сияющий, но вид у него — хуже нельзя; ему нужна операция. Теперь он сразу получит кафедру. Радуетя своему успеху, как ребенок, приятно смотреть, а то он всегда недоволен собой» (*Гершензон М.О.* Письма к брату. Избр. места. М 1927 С.181).

^{44*} Сохранилась «Расписка, выданная издательством М. и С. Сабашниковых в получении рукописи книги Б.А. Кистяковского "Право как предмет научного познания"». Нач. 1920-х <годов> Окт. 2 (ОР РГБ. Ф. 261. К. 9. Ед. хр. 102. Л. 1)

Расписка представляет собой издательскую карточку, на которой напечатано: «Б.А. Кистяковский. Право как предмет научного познания. Текст 223 стр.».

Сверху синим карандашом, вероятно, рукой редактора, написано: «просмотр». Внизу подпись: «Получил — <подпись>». Подпись неразборчива, но похожа на «Н. Тоцкий». (Не есть ли это тот самый Н. Тоцкий, который опубликовал в журнале «Право» (1913, № 44) рецензию на книгу П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда»?)

Расхождение в названии книги Кистяковского у Н.П. Василенко и в «Расписке...» не должно нас смущать: Кистяковский долго и мучительно подыскивал название и для своей книги «Социальные науки и право», часто меняя его по ходу работы. Речь и в данном случае, несомненно, идет о двух вариантах заглавия одной и той же — последней — книги Кистяковского.

«Книга осталась без окончания», — пишет Н.П. Василенко (в оригинале: «залипила конца»). Как это понимать? Полагаю, не в буквальном, а в переносном смысле, т.е. издание книги не было завершено.

Если это предположение верно, то дальше можно выстроить такую цепочку (опять-таки гипотетических) предположений о судьбе этой книги: забрав единственный сброшюрованный ее экземпляр из Ярославля, Кистяковский передал его на «просмотр» в издательство М и С. Сабашниковых. «Просмотр», однако, затянулся, и в начале 20-х годов, уже после смерти Кистяковского, его вдова — через «получателя» — затребовала книгу в Киев. Здесь она тоже предпринимала попытки (увы, безуспешные), издать книгу, о чем имеется документальное свидетельство. В письме к М.О. Гершензону от 23 ноября 1923 г. (из Киева) М.В. Кистяковская, между прочим, писала следующее: «Вы уже, верно, знаете о неудаче, какая постигла книгу Б.А. Воспользоваться возможностью печатания в другом месте я нахожу неудобным для себя и решаю подождать год-другой» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед. хр. 42. Л. 1 об.).

Из другого источника известно, где предполагалось издание книги. Б.В. Яковенко в первом (и последнем) номере выпущенного им в Праге в 1925 г. «Логоса», в «Перечне умерших философов» сообщает, что Б. Кистяковский «оставил в рукописи ценный труд, который будет опубликован Украинской Академией в Киеве» (Логос 1925. С. 196).

Решение Марии Вильямовны подождать «год-другой» оказалось роковым: книга так и не вышла в свет. Но все сказанное о ней позволяет надеяться, что где-нибудь в киевских архивах, быть может, хранится рукопись последней (и «главной», по мнению автора) книги Б.А. Кистяковского.

^{45*} **Спекторский Евгений Васильевич** (1875—1951) — социолог и правовед, ученик А.Л. Блока (отца поэта), профессор Варшавского университета, автор книг «Очерки по философии общественных наук» (Вып. 1. Варшава, 1907); «Александр Львович Блок, государствовед и философ» (Варшава, 1911); «Белинский и западничество» (Варшава, 1912); «Проблемы социальной физики XVII столетия». Т. 1—2 (Варшава, 1910—1913; на первый том этой книги Б.А. Кистяковский написал рецензию: Логос, 1912—1913. Кн. 1—2).

^{46*} И таким образом закончился «московский период» жизни Кистяковского. В Москве он жил на Пречистенке, Большой Левшинский пер., д. 13, кв. 8 (дом сохранился). Кто занимал квартиру Кистяковского в 1918 г. неизвестно, но в январе 1919 г. в ней поселился писатель Е.Г. Лундберг. (1887—1965), который в своих «Записках писателя» отметил: «Я жгу лыжи, стулья, столы и старые газеты профессора Б.А. Кистяковского, в квартире которого случайно живу. Библиотеку его охраняю. Рукописи тоже» (*Лундберг. Указ. соч. Л., 1930. Т. 1. С. 184.*)

Вероятно, позднее Е.Г. Лундберг передал рукописи Кистяковского в Исторический музей. Подробнее см.: *Санов В.В.* Архив Б.А. Кистяковского // *Вопр. социологии.* 1992. Т. 1. № 1. С. 157—159.

Перевод с украинского и комментарии В.В. Санова